

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Сулица Екатерина Ивановна,
магистр филологии,
помощник художественного руководителя
студенческого театра «Переход»,
ФГБОУ ВПО Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина,
ул. Касимовское шоссе, д. 25, 390000 г. Рязань, Российская Федерация
E-mail: e.antonova@rsu.edu.ru

ЖЕНСКИЕ ТИПЫ «ИСКУСИТЕЛЬНИЦЫ» И «ЗЛОЙ ЖЕНЫ» В РУССКОЙ ПОВЕСТИ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII вв.

Аннотация: Обращение к «женской теме» в древнерусской словесности ново и актуально, открытыми остаются вопросы классификации и типологии женских образов. Задача данной статьи — охарактеризовать выделенный в рамках «женской темы» средневековый тип древнерусских героинь, определённый как «женщина-искусительница», и выявить его роль в сюжетно-композиционной структуре текста. Путём сопоставительного анализа женского идеала и его антипода определяются основные черты выделенного типа, истоки и традиции его изображения, на примере разноплановых героинь повествовательной литературы конца XVII – начала XVIII вв. рассматривается его развитие и трансформация. Для анализа и сопоставления привлекаются сочинения поучительной литературы XVI–XVII вв.: «Домострой», «Беседа отца с сыном о женской злобе», «Слово Даниила Заточника», Слово Иоанна Златоустого «О добрых женах и о злых женах», «Притча о старом муже» и бытовые повести («Повесть о Карпе Сутулове», «Повесть о Савве Грудцыне») и истории петровского времени («История об Александре российском дворянине»).

Ключевые слова: древнерусская литература, поучительная литература XVI–XVII вв., истории петровского времени, женская тема, женские образы, «Домострой», «Повесть о Карпе Сутулове», «Повесть о Савве Грудцыне», «История об Александре российском дворянине».

Представление о женщине в обществе и культуре Древней Руси определяется соединением двух ключевых праобразов (Евы и Девы Марии); посредством их в средневековой словесности реализуется «женская тема» — комплекс представлений о женской природе, женском идеале или антипode. Ветхозаветное понимание сущности женщины, берущее начало от образа Евы, связано с двумя её предназначениями: покорной жены и помощницы мужа (что дано от Бога и, по сути, определяет земной (светский) женский идеал) и искусительницы и пособницы нечистой силы

(обретено после грехопадения и определяет худшие черты женского пола). Ново-заветное восприятие женщины, берущее начало от протобраза Богородицы, воплотило женский праведнический идеал средневековой эпохи.

Светское, как и церковное, понимание женского идеала складывалось на основе библейских текстов и высказываний Святых отцов. Но если высший праведнический идеал был воплощён в Деве Марии, то земной идеал определялся в рамках собирательных образов, наделённых чертами и характеристиками, определёнными авторитетными источниками. В миру женщине дано предназначение, точно выраженное Творцом: «Недобро быти человеку единому, сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2: 18). Сотворение женщины в помощь мужчине открывает её положение рядом с ним: она не ниже его достоинством, но подчинена ему. Он сотворён ранее неё, создан как самостоятельная личность, поэтому ему в земной жизни предстоит быть главой и принимать решения, а женщине быть помощницей при нём — отсюда первостепенность роли жены для женщины средневековья.

Представление об идеальном браке и праведной роли средневековой женщины в семье наиболее полно отражено в «Домострое». Согласно этому семейному кодексу, жена-христианка должна обладать добродетелями, знать Священное Писание, следовать в семейной жизни правилам Церковного Устава и во всем быть подчинена мужу, тогда она «дражайши есть камени многоцѣннаго ...» [3, с. 31].

Согласно Ветхому Завету, грехопадение испортило и извратило взаимоотношения мужчины и женщины, которые изначально были определены Господом: вместо кротости и подчинения мужу жена стала проявлять гордыню и стремление властвовать, вместо гармоничного союза между мужчиной и женщиной воцарились борьба и соперничество за первенство. В данном контексте Ева воспринималась как образ-символ, который позволял отождествлять женщину с пособницей нечистой силы и искусительницей мужского пола. При данном понимании женской природы именно её телесное, плотское начало становится орудием дьявола против добродетели, внешняя естественная красота и приукрашивание себя — способом обольщения мужчины.

Таковыми характеристиками наделён данный тип в агиографической литературе, где женщина выступает, с одной стороны, как прямое орудие дьявола, как соблазн, который через женскую плоть уводит человека от Бога, с другой стороны, в облике раскаявшихся грешниц, которые прошли путь от искусительницы до праведницы.

В первом случае мы имеем дело с рассказами о том, как дьявол принимал образ женщины, искушая монаха-отшельника, как праведные юноши бежали в день свадьбы, предпочитая браку монашество и святость и т.п. Во втором — с историями главной героини или автора о её неправедной жизни до покаяния — отказа от плотского наслаждения, которое ранее было смыслом её жизни. Так, Мария Египетская в своей исповеди сама называет себя «подлинно сосуд дьявола» и признаётся, что «похотлива была и падка до наслажденья».

Иначе развивается тип «женщина-искусительница» в рамках поучительной литературы, где он представляет собой собирательный образ «злой» жены, характеристики которой выстраиваются по принципу антитезы в отношении к положи-

тельному типу «доброй жены» — земного идеала женщины-помощницы, хозяйки. Если «добрая» жена — это жена-Церковь, которая так же любит и почитает своего мужа, как церковь Христа, и дана мужу во спасение, то «злая» жена — «греху — пособница, спасению — преграда» [5, с. 280], поскольку стремится к главенству над мужем. Именно поэтому она ставится в один ряд с женскими персонажами, чьи поступки привели к страшным последствиям для их мужей: «Женою сперва праѣдъ нашъ Адамъ из рая изгнанъ бысть; Жены ради Иосифъ Прекрасный в темници затворенъ бысть; Жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша, и лви ему нози лизаху» [5, с. 281]. Также складывается устройство семейной жизни и домашнего уклада. «Злые» и «добрые» жены различны в хозяйственных делах: если первая ведёт дом к разорению и опустошению, то вторая заботится о порядке и благе в нём. «Добрая» жена всегда помощница мужу и его честь, поскольку она добродетельна и кротка, «злая» же — мужу препона и разорение, поскольку своенравна и глупа: «Добрая жена — вѣнецъ мужу своему и безпечалие, а зла жена — лютая печаль, истощение дому» [5, с. 281], «Как нет хуже зла, чем злая жена, так и добрую жену не с чем сравнить. Ибо дороже она жемчугов и бисера многоценного, честь и дар от господа — жена покорная и послушная, а сварливая и ленивая мужу дается за грехи» [6, с. 293].

Тип «женщины-искусительницы» особое развитие получает в поучительной и повествовательной литературе конца XVII – начала XVIII вв. Именно в это время книжники активно обращаются к теме человеческого естества и смысла человеческого существования. Ранее человек понимался прежде всего как дух, стремящийся к подобию с Господом, теперь же открылась его телесная составляющая, его природное «естество», что позволило перейти к иному изображению человеческой сути «как бы “изнутри”, из самой себя» [10, с. 147].

Восприятие женского естества как изначально греховного и склонного ко злу, свойственное ранней древнерусской литературе, сохранилось и в переходный период. Так, в переводном литовском произведении «Златое иго супружества» первой половины XVII в., в ироничной и даже антифеминистской форме идёт речь о супружестве и женщине-жене, в яркой обличительной манере повествуется о греховной женской природе: «Жена, понеже изначала греха ловителница бе, того ради есть неисчерпаемое злых горнило, человеческое постыждение, ненасыщенное безсловесие, непрестанная пустыня, неуставающее побоище, повседневный человеческий вред, препона мужу, невоздержнаго потопление, любодеяния сосуд, пагубоносный бой, животное всезлейшее, тягота обремененна, ненасытный аспид, человеческое рабство, смертныя нужды свиток, юности обнажение, мужей похищение, старых смерть, отечества поглощение, чести пагуба, пища диаволя, врата смерти, адово исполнение» [4, с. 316–317]. Этот перечень характеристик в целом сводится к искушающей силе женского начала, которое ставит «препоны» мужу и вообще мужчине к духовному очищению.

Более противоречива точка зрения на сущность женской природы в «Беседе отца с сыном о женской злобе». Диалог сына с отцом представляет собой спор о сути женского характера, выстроенный на пространных рассуждениях и вольном цити-

ровании авторитетных книг (Священное Писание, патерики, Изборник 1073 года и др.). Ключевым из них можно назвать «Слово о добрых и злых женах», приписываемое Иоанну Златоусту.

В образе «злой жены», который создаётся в словах отца, воплощены худшие качества женского характера, противоречащие заповедям и христианскому идеалу. Это «самовластная», ленивая, думающая только о своей красоте и не заботящаяся о муже женщина, которая наделена следующими характеристиками: «лстивая и пронирыливая», «сварливая и злоязычная», «лукавая и крадливая», «блядливая», «обавница и еретица», «медведица и лвица», «змия и скорпия», «ехидна», «змия василиска» [1]. Такая градация в описании выделяет разную степень проявления «злого» в женском «естестве».

Подобные оценки даны главной героине «Повести о Савве Грудцыне» — жене Бажена Второго, которая предстаёт в традиционном образе искусительницы — ввергает в блуд молодого гостя своего мужа. При этом руководит ею дьявол, который через женщину, «греховный сосуд», старается заполучить душу юноши: «Ненавиде же добра супостат диаволь, виде мужа того добродѣтельное житие, и хотя возмутити домъ его, и уязвляеть жену его на юношу онаго Савву к скверному смешению блуда, растлити жену оную любовию к Саввѣ. И начать уловляти юношу лстивыми словесы к грехопадению, блудно вѣсть бо женское естество, уловляеть умы младыхъ отроковъ к блудодѣянию» [8, с. 40]. Целый ряд сюжетно организованных мотивов связан с этим женским типом.

Мотив искушения блудом в повести лишён статичности, дан в сюжетном развитии: сначала Савва, очарованная героиней, предаётся «невоздержанию», несмотря на воскресенья и церковные праздники, но в день Вознесения Господня отказывается ей, рассудив так: «Како в таковый господский праздник азъ таковое скверное дѣло сотворити похощу?» [8, с. 41]. Так автор даёт понять, что душа героя не загублена окончательно, открыта для очищения и исправления, тогда как героиня слаба духом перед кознями дьявола, подстрекающего её и в Великий праздник «к скверному смешению блуда» [8, с. 40]. «И много увещевала его, никако его возможе приклонити к воли своей» [8, с. 40]. Дьявол настолько завладел ею, что даже отказ Саввы не вразумляет грешницу, а понуждает её к агрессии и угрозам. В результате, затаив злобу на молодого любовника, героиня решает опохитить его зельем. Отказ юноши становится своего рода толчком к развитию женского образа и даже к его трансформации: из искусительницы она превращается в колдунью. Если раньше героиня выступала орудием нечистой силы, то теперь сама становится её представительницей, что подчёркивается сравнением со змеей: «...яко лютая змия востонавше, отиде от ложа его, помышляше, волшебнымъ зелием опохити его...» [8, с. 41]. Получают развитие и характеристики жены: «лукавая» — «проклятая» — «яко лютая змия» — «яко ехидна злая» — «яко лютая змия и лвица».

Несмотря на постоянное сопутствие образу героини дьяволовых внушений, нельзя однозначно объяснить её поведение только этим мотивом. Нужно отметить некоторые обстоятельства, которые возможно расценивать в качестве мотивов поведения обычной земной женщины, воспринимаемых вне зависимости от их библейско-

религиозной трактовки. Злость на отказ юноши — это проявление строптивного характера героини, которая привыкла к беспрекословному выполнению своей воли, а не только управление её поведением нечистыми силами.

С первого описания семьи Бажена Второго можно понять, что брак этот неравный и несчастливый: «Мужъ же Бажень старъ бысть, имѣль у себя жену младу, третьимъ убо себѣ бракомъ обрученну, и поять ея сущую дѣвою» [8, с. 40]. Неизвестен точный возраст героини, но явна возрастная разница между нею и мужем, который скорее годится ей в отцы и вряд ли способен понять пылкость юной натуры.

Мотив неравного брака, в котором не может быть счастлива молодая девушка со старым мужем, не оригинален. Встречается он, например, в «Притче о старом муже» XVII в., которая построена как диалог сватающегося старого мужа к прекрасной девице. В речах молодой невесты, отказывающей жениху в сватовстве, можно отметить доводы, которые могли послужить причиной несчастливого брака и героини «Повести о Савве Грудцыне»: «Коли меня, прекрасную девицу, поимешь за себя, храбрость твоя укротитца, и образъ твой померкнетъ <...> и плодскому моему естеству не утеха будеши; тогда азъ, девица, отъ распаления, впаду в преступление со младымъ отрокомъ, с молодцомъ хорошимъ, а не с тобою, старымъ мужемъ...» [9, с. 234]. То есть в Савве жена Бажена Второго видит молодого красивого юношу, упущенную возможность счастливой любви.

Таким образом, героиня «Повести о Савве Грудцыне» становится орудием дьявола в силу греховности и слабости своей натуры. В её образе соединяются, с одной стороны, традиционные мотивы, связанные с типом искусительницы, а с другой — реалистичные мотивы поведения земной женщины. В этом проявляется характерное для XVII в. слияние «старого» и «нового» в открытии человеческого характера, хотя в отношении женских персонажей пока ещё слабо выражено.

В литературе петровского времени происходит своеобразная трансформация типа «женщина-искусительница» в тип «женщина-блудница». Так, в «Истории об Александре российском дворянине» перед читателем предстаёт целый ряд второстепенных женских образов, которые введены в повествование опосредованно — через рассказы друга Александра Владимира о своих любовных приключениях. Некоторые из них не названы по имени и обрисованы в общих чертах, которые позволяют объединить эти персонажи в общий тип женщины, свободной в нравах и поведении с мужчиной. Как правило, в описании отношений Владимира с ними присутствует эротический колорит и некоторые элементы авантюрного жанра: переодевания, хитрый обман мужа, тайное свидание, любовное послание и т.д. Данный общий тип включает в себя несколько групп героинь, выделенных нами в соответствии с другими чертами характера.

Во-первых, это дочь купца Анна и дочь секретаря Мария Элизабет. В развитии отношений героя с ними автор выстраивает общую сюжетную схему: возникновение влюбленности — любовное послание — встреча — благосклонность возлюбленной — ночь вместе — гнев родителей — наказание. В некотором отношении ситуация проникновения поклонника в спальню к девушке с целью плотской любви, использованная автором, отсылает к «Повести о Фроле Скобееве» XVII в. Но если там

героиня Аннушка не знала о коварном плане обольстителя Фрола, обманом проникшего к ней, то обе героини «Гистории» добровольно принимают у себя Владимира. При этом образы Анны и Марии-Элизабет не тождественны.

В образе Анны проявляются черты «хитрой» жены, способной одурачить мужа в своих целях. Это уже не Татьяна Сутулова, героиня повести XVII в., которая хитростью проучила негодных поклонников и сберегла семейную честь. Молодая девушка дожидается ухода родителей на вечернюю службу и добровольно впускает к себе в спальню для любовных утех юношу, за что сносит побои от разгневанного отца и матери. Поведение родителей говорит о старых «домостроевских» устоях в семье: падение дочери воспринимается ими как позор, именно поэтому «ея мати и немилостивно била» и «мужик, того дому хозяин, ударил меня (Владимира) по щеке так больно» [2, с. 240], а после в наказание отец насильно выдаёт Анну замуж за своего приказчика. Такая родительская строгость не способна оградить дочь от свободомыслия нового времени, что проявляется в образе героини и после замужества, когда из дочери, покоряющейся отцу, девушка, по законам времени, должна превратиться в покорную жену. Автор не рисует подробно взаимоотношения Анны с супругом, но и из короткого эпизода тайного свидания героини с Владимиром становится ясно, что благодаря хитрости ей удаётся управлять им и одурачивать его во всём. В сцене неожиданного возвращения супруга домой героиня занимает активную позицию: она руководит ситуацией, диктует поведение любовнику и придумывает способ отвлечь мужа поимкой выдуманной кошки для незаметного ухода своего ночного гостя. Активное поведение героини подчёркивается её авторской характеристикой «умная Анна», которая усиливается благодаря указанию на глупость мужа: «Муж дурак власно, как осетр был сетми опутан, так и он, дурак, жены своей льстивыми словами» [2, с. 241]. А так как рассказ идёт от лица Владимира, то авторская оценка сливается с оценкой героя-мужчины, который не осуждает поведение молодой девушки, а видит в нём проявление «ума».

Другая героиня, прельстившая Владимира своей красотой, Мария-Элизабет не сразу отвечает ему благосклонностью и даёт разрешение прийти ночью. Она проявляет гордость и неприступность, дважды отвергая любовные признания поклонника, но после пылкой песни-арии, исполненной им, всё-таки впускает его к себе в спальню. После наказания родителями девушки Владимир вынужден уехать в Париж, после чего отношения с возлюбленной прекращаются. В отличие от Анны, занимающей активную позицию в сложной ситуации, Мария-Элизабет лишь льёт слёзы и поёт прощальную арию, узнав об отъезде любимого, что говорит о тяготении её характера к жанровому шаблону героини рыцарского романа и сближает в отношении несамостоятельности с образом Ираклии из «Гистории о Василии Кориотском».

Вторая группа женских персонажей в рассказах Владимира отличается большей самодостаточностью и даже жестокостью в отношении с противоположным полом. Как правило, сюжеты, связанные с ними, включают элементы женского обмана, изощрённой хитрости и коварства, направленных на унижение мужчин или насмешки над ними. Отличают эти черты абсолютно разных по социальному поло-

жению женщин: благодаря хитрости и смекалке проститутка в Цесарском государстве обманывает неугодного ей купца, который сам хотел её проучить, а три дамы, встреченные Владимиром в опере в Германии, придумывают ухищрённые способы посмеяться над ним, не желая отвечать на его любовные ухаживания. При этом они оказываются наказанными за свою дерзость, за которую оскорблённый герой им мстит.

Мотив унижения женщины мужчиной становится ведущим в выделении ещё одной группы героинь. Владимир откровенно рассказывает о своих поступках с женщинами, которые были ему неуютны, и не скрывает жестокости в отношении к ним. Так, он оставляет клеймо «всякая блять руганию достойна» на груди надоевшей ему возлюбленной Леопте, а с хозяйкой квартиры, где остановился в одном из городов, поступает ещё беспощадней: «...залуча ея к себе в полату и по отправлении нужды моей влил ей в детородны уд зелия, которое тело ее едва не до костей прогрызло» [2, с. 277]. В ответе на письмо разгневанного мужа женщины он называет свой поступок благодеянием, которое оградит супруга от возможных измен жены. Бесцеремонностью в отношении к слабому полу отличается не только Владимир, но и эпизодические персонажи, упомянутые им, например, французский дворянин Лонжер [2, с. 278]. Такое пренебрежительное обращение с женщиной отмечается автором только в отношении с распущенными и падшими героинями, потерявшими уважение со стороны мужчин.

Таким образом, во вставных эпизодах, введённых в повествование как рассказы Владимира о его любовных похождениях, преимущественно встречается тип распущенной, падшей и погрязшей в плотском грехе женщины. Возможно, появление таких персонажей в повести обусловлено необходимостью создать оппозицию главным героиням. В глазах автора плотское своеволие женской природы приводит к её моральному падению и пренебрежительному отношению со стороны мужчины.

Анализ женских персонажей свидетельствует о постепенном развитии типа «женщина-искусительница». Ева, предпочитающая первенство над мужем и прельщённая вследствие этого нечистым духом, определила ключевые характеристики «злой жены» поучительных текстов — стремление к власти над мужчиной и слабость к греху. В обобщённом образе «злой жены» воплотились качества худшие и с христианской, и с светской точки зрения. В рамках агиографии данный тип встречается в образах дев, искушающих святых, и в образах покаявшихся грешниц. В текстах Нового времени отрицательными чертами («блудливая», «коварная», «лукавая» и др.) наделены главные и второстепенные женские персонажи повествовательной литературы. На их примере ощутима эволюция типа «женщина-искусительница», который ревоплощается в тип «женщина-блудница». Важно отметить, что сама искушающая сила женской природы в рамках повествовательной литературы Нового времени рассматривается уже не как антиидеал, но как норма. Во многом это обусловлено влиянием европейской традиции рыцарского и куртуазного романа. Противостоит им идеал — несколько опрошенный новый тип «доброй» жены, которая отличается послушанием мужу, но при этом достаточно самостоятельна и, главное, обладает особой мудростью в решении житейских

проблем. Ярким примером такой положительной героини является Татьяна Сутулова. Новый тип деловой самостоятельной женщины, воплотившийся в её облике, привлекателен в глазах автора, о чём свидетельствуют данные ей характеристики: «мудрая жена», «премудрая жена, како не оскверни ложа мужа своего» [7]. Положительных оценок удостоивается Татьяна за свою «премудрость» и от героев-мужчин. Практичная, смелая Татьяна Сутулова не уступает в инициативности и деятельности рассмотренным выше героиням, но её активность направлена на благое дело — укрепление семейного благополучия, а для покорения мужчин она использует свой разум, а не внешнюю привлекательность. Оценки качеств и поведения героини обнаруживают прочную традицию изображения «доброй» жены и «мудрой девы» в её образе, но они переосмыслены в рамках Нового времени, когда эпоха «души» сменяется эпохой «разума», именно поэтому главное качество положительной героини, «премудрость», объясняется её природной натурой, «естеством», а не Божьим провидением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Беседа отца с сыном о женской злобе // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. I. С. 487–498.
- 2 Гистория об Александре российском дворянине // Русские повести первой трети XVIII века / отв. ред. С. Н. Азбелев, исслед. и подг. текстов Г. Н. Моисеева. М.; Л.: Наука, 1965. С. 211–294.
- 3 Домострой / изд. подг. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб.: Наука, 1994. 741 с.
- 4 Златое иго супружества // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1979. Т. 33. С. 316–317.
- 5 Повесть о Карпе Сутулове // Памятники литературы Древней Руси, XVII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 65–70.
- 6 Повесть о Савве Грудцыне // Памятники литературы Древней Руси: XVII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 39–54.
- 7 Притча о старом муже // Памятники литературы Древней Руси: XVII в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. М.: Худож. лит., 1989. Кн. II. С. 234–236.
- 8 Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д. С. Лихачёва и др. СПб.: Наука, 2000. Т. 4: XVII в. С. 268–283.
- 9 Слово Иоанна Златоустого. О добрых женах и о злых женах // Домострой / изд. подг. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб.: Наука, 1994. С. 293–294.
- 10 Чёрная Л. А. Взгляд на человеческую природу в древнерусской литературе // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М.: Наследие, 1995. С. 127–157.

* * *

Sulitsa Ekaterina Ivanovna,

Master of Philology,

creative director assistant in «Perehod» theatre,

FSBE HPE Ryazan State University named for S. Esenin,

Kasimovskoye highway, 25, 390000 Ryazan, Russian Federation

E-mail: e.antonova@rsu.edu.ru

FEMALE TYPE OF «TEMPTRESS» AND «SPITEFUL WIFE» IN RUSSIAN NARRATIVE OF LATE-SIXTEENTH-CENTURY – EARLY-EIGHTEENTH-CENTURY

Abstract: Study of a female theme is not new and relevant in Old Russian literature, but issues of female figure classification and typology are still unsettled. The main goal of this article is to describe Old Russian character type detailed in ranks of medieval female theme and defined as «woman-temptress», and reveal its role in plot-composition structure of text. Main traits of detailed type, its origins and traditions are defined by the method of female ideal and its antipode comparative analysis; we examine its evolution and transformation by the example of diversified characters in late-sixteenth-century – early-eighteenth-century narrative literature. In the process of comparison and analyses we use sixteenth-seventeenth century edifying works of literature: «Domostroy», «Father and son's talk about women anger», «Daniil Zatochnik's speech», «Ioann Zlatoust's speech "About kind wives and spiteful wives"», «Parable about the old husband» and domestic tales («Story about Karl Sutulov», «Story about Savva Grudcin») and the histories of Tsar Peter's times («History about Russian nobleman Alexander»).

Keywords: Old Russian literature, sixteenth-seventeenth century edifying works of literature, histories of Tsar Peter's times, female theme, female figure, «Domostroy (rigidly patriarchal and stringently ruled family life)», «Story about Karl Sutulov», «Story about Savva Grudcin», «History about Russian nobleman Alexander».

REFERENCES

- 1 Beseda ottsa s synom o zhenskoi zlobe [Conversation between a father and a son about women's anger]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: XVII vek* [Literary Monuments of Ancient Russia: XVII Century]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1988, book I, pp. 487–498.
- 2 Gistoriia ob Aleksandre rossiiskom dvorianine [Story about Alexander, a Russian nobleman]. *Russkie povesti pervoi treti XVIII veka* [Russian story of the first third of the XVIII century], ex. ed. S. N. Azbelev, study and preparation of texts G. N. Moiseeva. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 211–294.
- 3 *Domostroi* [Domostroy], izd. podg. V. V. Kolesov, V. V. Rozhdestvenskaia. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 741 p.
- 4 Zlatoe igo supruzhestva [Golden yoke of marriage]. *TODRL* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1979, vol. 33, pp. 316–317.

-
- 5 Povest' o Karpe Sutulove [Tale of Karp Sutulov]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi, XVII v.* [Literary Monuments of Ancient Russia, the seventeenth century], originator and general editing L. A. Dmitrieva, D. S. Likhacheva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1988, book 1, pp. 65–70.
 - 6 Povest' o Savve Grudtsyne [The Tale of Savva Grudtsyn]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: XVII v.* [Literary Monuments of Ancient Russia: XVII Century], originator and general editing L. A. Dmitrieva, D. S. Likhacheva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1988, book 1, pp. 39–54.
 - 7 Pritcha o starom muzhe [Parable of the old husband]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: XVII v.* [Literary Monuments of Ancient Russia: XVII Century], originator and general editing L. A. Dmitrieva, D. S. Likhacheva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1989, book II, pp. 234–236.
 - 8 Slovo Daniila Zatochnika [Words of Daniel the Exile]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library Literature of Ancient Russia], ed. D. S. Likhacheva i dr. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, vol. 4: XVII c., pp. 268–283.
 - 9 Slovo Ioanna Zlatoustogo. O dobrykh zhenakh i o zlykh zhenakh [Words of John Chrysostom. On the good wives and wives of evil]. *Domostroi* [Domostroy], izd. podg. V. V. Kolesov, V. V. Rozhdestvenskaia. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 293–294.
 - 10 Chernaia L. A. Vzgliad na chelovecheskuiu prirodu v drevnerusskoi literature [View of human nature in ancient literature]. *Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie prirody i cheloveka* [Old Russian literature: The image of man and nature]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 127–157.